

квинтэссенции отношений купли-продажи: к объему и скорости обращения финансовых потоков. Но деньгами, при каком бы общественном строе они ни были заработаны, справедливость не подкрепится — они всегда, и в любых величинах (и абсолютных, и относительных), прямо или косвенно указывают на несправедливость.

Каждая несправедливость сполна себя выражает. Спектр несправедливостей необозримо широк. Со справедливостью — не так. Ни одним своим проявлением она не исчерпывает себя, при том, что сама не беспредельна. Справедливость несет в себе ограничения: и для всего иного, к чему приложима, и для себя.

Щетинина Ольга Владимировна, заместитель председателя Законодательного собрания Нижегородской области, аспирант Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Философия активного поворота в социальной политике: приоритеты технологий социального партнерства

Задачи активного поворота в социальной политике были поставлены Президентом России еще в 2000-м году и содержательно предполагают переход от патерналистской социальной политики к политике активного гражданского участия¹. Философия активного поворота опирается на результаты анализа глобального плюрализма взглядов на природу общества, социального государства² и предполагает выбор приоритетной философской парадигмы для России. Наше исследование позволяет заключить, что в противовес западным постмодернистским теоретическим подходам, представленным в работах П. Бергера³, М. Фуко⁴, Ж. Лакана⁵, Н. Лумана⁶ и др.⁷, утверждающих идеи снижения роли и значения человека как субъекта социально-политических процессов, идеи трансгуманизма и «смерти субъекта», перспективными для России являются философские исследования, утверждающие идеи фундаментальной значимости человека в качестве социального субъекта, в т.ч. в качестве субъекта социальной политики (работы С. Жижека⁸, Ю. Хабермаса⁹, В.А. Кутырева¹⁰, А.В. Дахина¹¹ и др.). В свете названных философских приоритетов и с опорой на философскую теорию деятельности профессора Л.А. Зеленова¹² открывается возможность переосмысления широкого круга вопросов роли человека в обществе, в поле социальной политики, в том числе и вопросов применения социальных технологий для задач социальной политики.

В целом речь идет, во-первых, о том, что существует запрос на технологии организации деятельности человека именно в качестве целостной личности, а не только в качестве «рабочей силы». Если технологии в промышленности нацелены на использование человека в качестве «рабочей

1 Путин В.В. Какую Россию мы строим? Послание президента РФ Федеральному собранию РФ от 8 июля 2000 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27823/ (дата обращения: 30.09.2020).

2 Дахин А.В. Идея социального и светского государства: феноменология конституирования в России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1 (45). 2019. С. 274—278.

3 Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект-пресс. 1996. 168 с.

4 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. 406 с.

5 Лакан Ж. Семинары. Книга 7 (1959—1960). Этика психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 2006. 416 с.

6 Луман Н. Общество как социальная система // Луман Н. Общество общества. В 5 кн.. Кн. 1. М.: Логос, 2011. С. 15—201.

7 Музиль Р. Человек без свойств. Кн. 1. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. 39 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 427 с.; Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Изд-во: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2. 475 с.

8 Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело. 2014. 528 с.

9 Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука. 2001. 417 с.

10 Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя. 2015. 312 с.

11 Дахин А.В. После модерна: метафизическая альтернатива инновации и постмодерну // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / под общ. ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2017. 354 с. С. 136—139.

12 Зеленов Л.А. Философия // Зеленов Л.А. Собрание соч. в 4-х т. Т. 1. Н. Новгород: Изд-во О.В. Гладкова. 2006. 168 с.

силы», то в социальной сфере требуются технологии, нацеленные на комплексное, всестороннее развитие сущностных сил человека. Во-вторых, речь идет о том, что социальные технологии должны работать с большими массами людей непрерывно. Если в ситуации с промышленными технологиями человек вступает в поле их алгоритмов с момента поступления на предприятие и выходит из него в момент увольнения, то в поле алгоритмов социальной сферы человек вступает в момент рождения и выходит из них в момент смерти. В-третьих, речь идет о духовном содержании деятельности людей в социальной сфере, одним из примеров которой является богослужение в жизни верующего. Формы духовной жизни востребованы также и для человека со светским (нерелигиозным) мировоззрением. Можно заключить, что все три момента отражают критерии, которым должны соответствовать социальные технологии в социальной сфере: а) обеспечивать создание прибавочных сущностных качеств человека; б) обеспечивать непрерывный массовый охват всего населения; в) сохранять духовное содержание деятельности.

Отвечающие данным критериям социальные технологии мы определяем термином «человекоемкие»: это алгоритмы деятельности людей в социальной сфере, которые обеспечивают непрерывный массовый охват жизни всего населения, помогают людям решать задачи создания прибавочных сущностных качеств, задачи всестороннего и гармоничного развития человека, в основе которого духовное содержание деятельности и духовное служение, как религиозное, так и светское. Глубинное значение человекоемких социальных технологий состоит в том, что они предлагают человеку массовые алгоритмы жизни-и-саморазвития в качестве социального субъекта, в процессе применения которых создаются прибавочные сущностные качества человека. В этом заключается их принципиальное отличие от «безлюдных» технологий сферы индустриального материального производства.

Данный подход позволяет сформировать матрицу индикаторов социальной сферы, которые раскрывают содержание активного поворота социальной политики. Матрица указывает на элементы человекоемких технологий социальной сферы, в основе которых рассматриваются три вида механизмов социального партнерства (представительное партнерство, совещательное партнерство и партисипаторное партнерство), а, с другой стороны, рассматриваются три формы проявления субъектного начала человека (субъект-лидер, субъект — член «команды» и субъект-волонтер). Матрица позволяет целостно представить принцип, согласно которому каждая форма субъектной активности человека (гражданина) должна иметь свое проявление в каждом механизме социального партнерства, так что «на контроле» оказывается девять форматов субъектной активности человека в поле социальной политики.

Можно отметить, что механизмы партисипаторного партнерства имеют наиболее значимый потенциал для активного поворота социальной политики, поскольку предполагают, что граждане могут быть участниками любого вида деятельности, осуществляемого в социальной сфере. Переход от «патерналистской» социальной политики к политике активного поворота связан со становлением нового социального субъекта социальной политики, конкретные характеристики существенно уточнить. Уточнение сводится к тому, что это дифференцированный социальный субъект, индивидуальные формы бытия и существования которого сводятся к трем перечисленным выше проявлениям субъектного качества человека. Лидерские качества являются необходимым условием появления проектов участия человека в конкретной программе государственной социальной политики. Это касается как индивидуальных проектов участия (индивидуальное социальное предпринимательство), так и коллективных (типичны проекты, участвующие в конкурсе на получение поддержки Президентского фонда и т. п.). Качества члена команды проектов участия необходимы для практической реализации идеи партисипаторного проекта. В системе деятельности проекта носители таких качеств позволяют лидеру проекта перейти из категории «индивидуальной» в категорию «коллективной» деятельности, они являются условием формирования коллективного социального субъекта, что, в свою очередь, обеспечивает потенциал широкого социального охвата, которого в случае успеха достигает каждая конкретная разновидность деятельности. Реальный социальный охват коллективной деятельности обеспечивается благодаря подключению активности волонтеров проекта партисипаторного партнерства, которые тиражируют заданный лидером проекта алгоритм деятельности, связывают поле проектной активности с конечными бенефициарами проектной деятельности.

Система партисипаторного социального партнерства предполагает наиболее глубокую интеграцию граждан в поле активной социальной политики, а также содержит потенциал наиболее

полной реализации сущностных сил человека. Партисипаторные проекты — это и есть человеческая деятельность (самодеятельность) во всей ее целостности. От деятельности отраслевых, профессиональных институтов, работающих в социальной сфере, партисипаторные проекты отличаются в настоящее время тем, что часто реализуются гражданами по собственной инициативе, в свободное от «основной работы» время или вместо «основной работы». Актуальным примером является практика внедрения социального контракта, которая потребовала, прежде всего, нормативно-правового оформления механизма партнерства гражданина и государства.

Треушников Илья Анатольевич, доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Смысл социальной политики

Тема социальной политики, вынесенная сегодня на обсуждение в ходе нашего круглого стола, без сомнения, затрагивает интересы всех и каждого и уже в силу этого выступает актуальной для всестороннего рассмотрения. На наш взгляд, не следует недооценивать значения и философско-правового обоснования социальной политики российского государства, выступающей, в свою очередь, составной частью национальной политики в целом. Философско-правовой анализ с необходимостью подводит нас к вопросу о смыслах политики. Отметим то, что анализ политической реальности на смысловом уровне ведется не очень активно. Если обратить внимание на количество работ, размещенных в Российской базе научного цитирования, то мы увидим, что количество работ, которые направлены на анализ различных аспектов только социальной политики, заметно превышает восемь тысяч. В то же самое время работы, посвященные вопросу *смысла* политической реальности, исчисляются единицами. Авторы обращают внимание на особенности понимания и соотношения «смысловых полей» политики, права, морали¹, на философские смыслы собственно политической реальности², на особенности продуцирования смыслов политического дискурса³. Мы не можем в рамках ограничений, которые определяются форматом круглого стола, анализировать относящиеся к вопросу работы, несмотря на то что они содержат интересные идеи. Для нас сейчас актуально то, что поиск смыслов политики, субъектом которой, прежде всего, выступает государство, являющееся элементом цивилизации, порождает, в свою очередь, стремление в очередной раз уточнить особенности русской цивилизационной модели.

Очевидно то, что корни этой темы обнаруживаются в глубоком прошлом.⁴ Однако дискуссия о русской цивилизации активизировалась в настоящий период времени под влиянием как политических процессов, связанных с нарастанием напряженности между основными игроками на международной арене, так и под влиянием возрастающего интереса к самобытным корням духовной культуры, противопоставляемых универсалистской западноориентированной модели. Современный период, характеризующийся возрастанием активности в сфере возрождения национальной культуры многих малых народов, ставит новые задачи и перед крупными социальными общностями, создавшими самобытные цивилизации, оказавшие и продолжающие оказывать существенное влияние на мировое развитие. На современном этапе наша страна в очередной раз оказалась в условиях серьезного давления со стороны внешних сил, что актуализировало все аспекты обеспечения цивилизационной идентификации России. Обсуждение этих вопросов ведется в научном сообществе достаточно интенсивно⁵. Следует признать то, что большинство исследователей обращают первостепенное внимание на институционализированные пролонгации человеческого бытия,

1 См.: Гаврилова Ю.А. Смысловое поле права, политики, морали: проблема взаимодействия // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 24—33.

2 См.: Соловей И.В. Философские смыслы поля политики: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ижевск, 2012.

3 См.: Согомонян В.Э. Трансформация коммуникативных характеристик политического дискурса в современном информационном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9. № 1. С. 50—76.

4 См.: Париков О.В., Треушников И.А. Проблема «Запад — Восток» в русской религиозной философии. Н. Новгород, 2002.

5 См., напр.: Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы: материалы всероссийского круглого стола // Философские исследования и современность. М., 2018. С. 223—244; Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России // Философские исследования и современность. М., 2020. С. 191—230.